

Д.А. Петушкова*

ЗАКАТ ЭПОХИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ? ИНТЕРВЬЮ С КРИСТОФОМ ПРОШАССОНОМ И ФРАНСУА ДОССОМ

В предлагаемой читателю беседе с двумя специалистами по интеллектуальной истории, Кристофом Прошассоном и Франсуа Доссом, затрагивается проблема трансформации фигуры французского интеллектуала и его роли в современном демократическом обществе. Рассматриваются социальные и политические причины превращения интеллектуала из субъекта в объект исторического анализа, а также методологические подходы последних десятилетий к указанной проблеме. К. Прошассон объясняет, почему исчезновение фигуры «тотального» интеллектуала свидетельствует о демократизации интеллектуального поля и является гарантией свободы. Обращаясь к творчеству П. Рикера, Ф. Досс рассуждает о критической функции интеллектуала и его ответственности перед обществом.

Ключевые слова: интеллектуалы, Франция, интеллектуальная история, историография, методология

DOI 10.32608/0235-4349-2018-1-51-425-436

В переведенной недавно на русский язык книге «Разломанное время»¹ Эрик Хобсбаум пишет, что критическая традиция интеллектуалов, восходящая корнями к эпохе «великих протестов», начавшейся в конце XIX в., прервалась с наступлением эры массового потребления и крушения больших идеологических проектов. Следствием этого стало молчание интеллектуалов на фоне все возрастающей иррациональности политики в сочетании с ускорением технологического прогресса. Несомненно, отказ от веры в примат разума и науки и общий кризис парадигмы Просвещения сегодня стали общим местом, но социальная роль интеллектуалов, подчеркивает Хобсбаум, как никогда велика. После смерти Ж.-П. Сартра и М. Фуко заговорили о «закате интеллектуалов» и даже их полном исчезновении: начиная с полемического памфлета Бернара-Анри Леви «Похвальное слово интеллектуалу»² и заканчивая

---

* Дарья Алексеевна Петушкова, аспирант Школы исторических наук Национального исследовательского университета «Высшая Школа Экономики».

¹ Хобсбаум Э. Разломанное время. Культура и общество в двадцатом веке. М., 2017. С. 241-242.

² Lévy B.-H. Éloge des intellectuels. P., 1987.

недавней книгой израильского историка Шломо Санда «Конец французских интеллектуалов? От Золя до Уэльбека»³. Последние тридцать лет не прекращаются дискуссии о предполагаемых «похоронах» европейского интеллектуала. Еще в мае 1980 г. в журнале *Débats* Пьер Нора вопрошал: «Что могут интеллектуалы?»⁴ Двадцать лет спустя в статье «Прощание с интеллектуалами?»⁴ он отвечает сам себе, что их эпоха безвозвратно ушла, и из «пророков» и авторитетных защитников Разума и Истины они превратились в объекты исторической науки, перестав быть ее субъектами.

В связи с этим и возникают вопросы: что такое интеллектуал сегодня? Является ли политическое измерение непременно атрибутом понятия «интеллектуал», и если нет, то какую роль он может играть в контексте трансформации современных демократических обществ? Эти вопросы естественно задать специалистам по истории интеллектуалов.

Кристоф Прошассон, профессор Высшей школы социальных исследований (EHESS), главный редактор журнала по интеллектуальной истории *Mil neuf cent. Revue d'histoire intellectuelle*, является специалистом по социокультурной истории, вышедшим из школы новой политической истории Ж.-Ф. Сириелли. Автор многочисленных работ, посвященных истории французских левых и связям между интеллектуалами и социализмом в XIX–XX вв., Прошассон смотрит на проблему с двух точек зрения: профессора истории и вовлеченного в политику исследователя.

Франсуа Досс, профессор университета Париж Кретей-Восток, известен во французской исторической науке как один из тех, кто ратовал за возрождение интеллектуальной истории и научной биографии. Из-под его пера вышли блестящие монографии о Поле Рикере, Пьере Нора, Мишеле де Серто. В беседе с этими учеными в Париже весной 2017 г. я попыталась понять, что изменилось в подходах к изучению феномена интеллектуалов во французской науке за последние десятилетия и кто придет на смену «героической» фигуре интеллектуала-пророка.

Во французской исторической науке новое направление истории интеллектуалов возникает в середине 1980-х. С чем связана эта дата и каковы первоначальные задачи этого исследовательского поля?

³ Sand S. La Fin des intellectuels français. De Zola à Houellebecq. P., 2016.

⁴ Nora P. Que peuvent les intellectuels ? // Le Débat. 1980, N 1. P. 3-19; *Id.* Adieu aux intellectuels ? // Le Débat. 2000, N 110. P. 4-14.

Кристоф Прошассон: Во Франции история интеллектуалов как самостоятельная дисциплина возникла в 1980-х гг., одновременно развиваясь в трех больших направлениях. В первую очередь, в русле довольно традиционного ответвления политической истории, усилиями таких известных специалистов, как Рене Ремон и Жан-Франсуа Сиринелли. Это направление, главным образом, интересовалось проблемой политической и идеологической ангажированности интеллектуалов. Вторая тенденция, так называемая социальная история интеллектуалов, возникла из социологии Пьера Бурдьё и его школы, сосредоточенной на анализе элит. Самым известным представителем этого направления среди историков является Кристоф Шарль. Когда я писал диссертацию, оба эти подхода – политический и социологический – активно развивались, но казались мне недостаточными. Меня в большей степени увлекала проблема интеллектуальных практик, то, что сегодня мы называем культурной историей, но не стоит путать ее с «культурным поворотом» и *cultural studies*, получившими распространение в Соединенных Штатах и Великобритании. Французская культурная история сочетает в себе, с одной стороны, историю создания культуры в строгом смысле слова и изучение поведения действующих лиц культурного поля в смысле этнографическом. Наиболее полно этот подход выражает политика журнала *Mil Neuf Cent*⁵, основными столпами которой являются история интеллектуальных практик и история идей. Что же касается условий появления истории интеллектуалов как дисциплины, здесь стоит указать политическую и социальную причины. В 1980-х к власти во Франции пришли левые, но в рядах их сторонников было крайне мало интеллектуалов. И если 1960-е и 1970-е гг. были отмечены бурным участием последних в политических дебатах, то, когда они вдруг замолчали, это молчание стало предметом частых обсуждений в политическом контексте той эпохи, особенно учитывая ту роль, которую они сыграли в восстановлении Социалистической партии в 1970-х гг., позволив левым силам выстроить независимую от советского наследия политическую идентичность, возродив интерес к традиции западного марксизма и таким фигурам, как Жорж Сорель или Роза Люксембург. Социальной причиной возникновения у историков интереса к интеллектуалам по-

⁵ Журнал *Mil Neuf Cent: Revue d'histoire intellectuelle* основан в 1983 г. историком Жаком Жуяром; с 2016 г. редакцию возглавляет Кристоф Прошассон.

служил бурный рост их численности, ставший очевидным как раз в 1980-х гг. Традиционный тип «тотального» интеллектуала, идеально воплощенный Ж.-П. Сартром⁶, соответствовал лишь крайне малому числу представителей французской интеллигенции, тогда как процесс масштабного увеличения числа студентов и преподавателей (продуктом которого являюсь и я сам) сократил возможности стать крупной публичной фигурой. В результате этого роста численности интеллектуальное поле в социологическом смысле стало функционировать иначе – чем вас больше, тем труднее занять доминирующую позицию, конкуренция стала более жесткой. И тогда появилась определенная ностальгия по исчезнувшему «традиционному» интеллектуалу, идеальным типом которого выступает Э. Золя в известном «деле Дрейфуса». Достаточно вспомнить, что между 1978 и 1985 гг. последовательно из жизни ушли Р. Барт, М. Фуко, Р. Арон, Ж.-П. Сартр, а вместе с ними и целая эпоха. Но что еще более важно, распространение новых средств массовой информации и утверждение главенствующей роли телевидения невероятно расширили возможности для высказывания, отняв у интеллектуала пальму первенства. Традиционный тип интеллектуала ушел в прошлое, отсюда и его превращение из субъекта в объект истории.

Франсуа Досс: Возвращение биографического жанра и появление истории интеллектуалов – события относительно недавние. Для исторической науки важным трудом в этом направлении стала монография Ж.-Ф. Сиринелли и Паскаля Ори «Интеллектуалы во Франции со времен "дела Дрейфуса" до наших дней»⁷, вышедшая в 1986 г. Во многом это был поворотный момент, так как прежде во Франции доминировали подходы экономической и социальной истории школы «Анналов», а также истории ментальности, коллективных представлений о смерти, сексуальности, семье и т.д. Бесспорно, герменевтический и прагматический поворот к изучению индивида начался в 1980-х гг., когда история вновь обратилась к исследованию индивидуального. До этого интеллектуальная биография как жанр отрицалась и презиралась учеными: если вы возьмете трехтомник «Заниматься историей»⁸ под редакцией

⁶ «Тотальным» интеллектуалом (total intellectual) назвал Сартра Пьер Бурдьё, имея в виду, что тот «активно действовал по всем направлениям: как философ, критик, писатель и драматург». – *Bourdieu P. Sartre // London Review of Books. 1980. Vol. 2. 20 nov. P. 11–12.*

⁷ *Ory P., Sirinelli J.-F. Les Intellectuels en France, de l'Affaire Dreyfus à nos jours. P., 1986.*

⁸ *Faire de l'histoire / Sous la dir. de J. Le Goff, P. Nora. P., 1974.*

таких мэтров, как Пьер Нора и Жак Ле Гофф, в нем биография как жанр названа всего-навсего «сборником анекдотических рассказов», по определению находящимся вне поля исторической науки.

Согласно историографической традиции рождение интеллектуала принято относить к концу XIX в. и знаменитому «делу Дрейфуса». Вы считаете, это верная точка отсчета?

Ф.Д.: История интеллектуалов, как уже было сказано, оформляется в лоне новой политической истории, и не удивительно, что именно «дело Дрейфуса» становится для исследователей отправной точкой. Главным объектом политической истории является момент вступления интеллектуалов в политическое поле, когда они начинают составлять петиции, объединяться в группы с целью публичного выражения своих убеждений, и то, что этому мы обязаны появлением новой дисциплины, само по себе прекрасно. Но, к примеру, Раймон Арон в «Опиуме интеллектуалов»⁹ говорит об интеллектуалах Античности, а Ле Гофф в книге с говорящим названием «Интеллектуалы в Средние века» утверждает, что эта социальная группа существовала задолго до XIX в. Мы можем вспомнить и знаменитое дело Каласа, которого защищал Вольтер¹⁰, выступая в качестве ревнителя ценностей справедливости и свободы. Однако Нора в статье 1972 г. «Чудовищное событие»¹¹ называет именно «дело Дрейфуса» началом современной истории. Почему? Потому что в современную эпоху что-либо становится «событием» благодаря средствам массовой информации, а именно пресса сыграла ключевую роль в том, чтобы процесс над обвиненным в государственной измене капитаном обрел совершенно особое политическое, публичное значение. Вместе с тем «дело Дрейфуса» утвердило во французской традиции само понятие «интеллектуал», ведь изначально антидрейфусары использовали его в уничижительном ключе, и лишь затем слово приобрело привычное нам значение и международное употребление. Это сугубо французское событие определило интеллектуала не как социопрофессиональную категорию, но как субъекта, выходящего

⁹ *Ле Гофф Ж.* Интеллектуалы в Средние века. СПб., 2003 (первое издание 1957); *Aron R.* L'Opium des intellectuels. P., 1955.

¹⁰ Жан Калас, протестантский торговец из Тулузы, был казнен в 1762 г. по обвинению в убийстве своего сына-католика. Очевидная предвзятость правосудия в стране, где католицизм являлся официальной религией, подтолкнула Вольтера к борьбе за оправдание Каласа. Философу удалось привлечь к делу внимание общественности, обеспечить широкую огласку жестокой казни невиновного и добиться его посмертного оправдания.

¹¹ *Nora P.* L'événement monstre // *Communications*. Vol. 18. 1972. N 1. P. 162-172.

за пределы своей профессиональной компетенции в публичное поле, чтобы высказываться в защиту универсальных ценностей – Свободы, Справедливости, Истины, противостоять интересам государства (*raison d'État*). Именно этот тип вовлеченного в политику интеллектуала станет доминировать после Второй мировой войны, как мы видим на примере Сартра или Пьера Видаля-Наке, боровшихся против войны в Алжире, колониализма и геноцида.

И этот тип интеллектуала породит известное клише, согласно которому интеллектуал по преимуществу левый...

К.П.: Этот миф появился вследствие того, что историография долгое время концентрировалась именно на истории левых. К примеру, по той причине, что Арон был правым либералом, во французской интеллектуальной истории его считали менее выдающимся, менее глубоким и менее талантливым, чем друга его юности Сартра. Он всегда был «вторым», потому что выбрал работу в *Le Figaro*, а не в *Le Monde*. Ассоциация с левыми вполне в логике «героического» представления об интеллектуале как о том, кто всегда находится в оппозиции, кто всегда «против». Но если посмотреть, кто сегодня в медиапространстве называется интеллектуалом, вы увидите пожилых мужчин крайне правых взглядов, крайне реакционных и консервативно настроенных, находящихся в оппозиции к своему времени, как Ален Финкелькро, Мишель Онфре или Режи Дебре. Интеллектуал-критик прошлых эпох был университетским профессором, новатором, создавал собственные школы и направления, будь то экзистенциализм или сюрреализм, его знали благодаря его текстам, тогда как сегодня интеллектуалами называют тех, кто чаще появляется в прессе и на телевидении.

Ф.Д.: Разумеется, есть левые, правые и даже ультраправые интеллектуалы. Сперва следует контекстуализировать это клише. Интеллектуалов стали ассоциировать с левыми после 1945 г., когда правые интеллектуалы лишились доверия и уважения и были исключены из культурного пространства за сотрудничество с нацистами. В более ранние периоды, напротив, правые интеллектуалы и консервативная идеология находились в доминирующей позиции. Если мы будем определять интеллектуала через оппозицию к интересам государства и властным институтам, то, конечно, в эту категорию попадут только левые. В XVIII в. интеллектуалы эпохи Просвещения выступали против монархии, церкви, божественного права короля. Но многое изменилось, с тех пор левые

тоже побывали у власти и после падения советской системы потеряли свой престиж вместе с крушением проекта построения социалистического общества. И на этом фоне пробудились так называемые «новые правые», издающие интеллектуальный журнал вроде *Éléments*¹², и заняли важную нишу в культурном пространстве. Сегодня в дискурсе доминируют идеи, традиционно пропагандируемые правыми интеллектуалами – ксенофобия, неприятие «Другого», а левые снова находятся в оппозиции.

Благодаря всемирной известности таких личностей, как Сартр, отличительной чертой французского интеллектуала считается его политическая ангажированность. Ваш коллега Мишель Винок в предисловии к «Словарю французских интеллектуалов»¹³ пишет, что именно вовлеченность в политику позволяет назвать писателя, художника или ученого интеллектуалом.

Ф.Д.: Да, Винок также считает, что интеллектуалом с полным правом можно считать Леона Блюма, но не де Голля, и здесь мы видим, как политические взгляды мешают объективности исследователя: ведь первый был левым, а второй – правым. На мой взгляд, принципиальной характеристикой интеллектуала является критическая позиция, способность критически осмыслить социальную, политическую и этическую ситуацию своего времени. Но возможно ли сохранять эту позицию, находясь у власти? Один из моих студентов из Института политических наук, Эмманюэль Макрон, недавно занял пост президента Французской Республики. П. Рикер, помощником которого он был в течение нескольких лет, считал Макрона настоящим интеллектуалом, а сейчас тот оказался на вершине государственной машины и уже лишен своей независимой критической позиции. Можно ли оставаться интеллектуалом, являясь профессиональным политиком? Это крайне актуальный вопрос, на который трудно ответить однозначно.

К.П.: Должен признаться, что я сам являюсь вовлеченным в политику интеллектуалом: последнюю монографию я написал че-

¹² «Новые правые» – направление политической мысли националистического характера, возникшее с основанием Ассоциации исследований в поддержку европейской цивилизации (Groupement de recherche et d'études pour la civilisation européenne), известной отрицанием христианства и пропагандой неоязычества. Журнал *Éléments* выпускается этой Ассоциацией с 1973 г.

¹³ Dictionnaire des intellectuels français: Les personnes. Les lieux. Les moments / Sous la dir. de J. Julliard, M. Winock. P., 2009.

тыре года назад, а затем приостановил свои исследования, приняв на себя обязанности консультанта президента Франсуа Олланда по вопросам публичной политики, и этот опыт убедил меня в том, что традиционная фигура интеллектуала – «советника государя», ушла в прошлое. Среди коллег в Елисейском дворце я был практически единственным представителем интеллектуалов – исследователем, профессором, имеющим научные труды и большое количество учеников. К моему сожалению, связь между производителями знаний и профессиональной политикой все более ослабевает. Политический истеблишмент и люди знания представляют два крайне элитарных и закрытых мира, они очень плохо представляют себе друг друга и проявляют взаимное презрение.

Какие новые подходы к исследованию интеллектуалов появились за последние двадцать лет?

Ф.Д.: В своей книге «Поступь идей»¹⁴ я предлагаю совершить переход от истории интеллектуалов к интеллектуальной истории, преодолеть ловушку экстерналистского и интерналистского подходов, объясняющих интеллектуальные процессы либо через влияние внешних обстоятельств, либо же только внутренних факторов. Экстерналистская позиция ярко выражена у представителей школы П. Бурдьё – в изучении проблемы интеллектуалов их внимание сосредоточено на социологическом анализе интеллектуальных сетей, структуры «полей» и соотношении сил между действующими в них агентами. Но при этом полностью игнорируется само содержание продуктов интеллектуального производства – художественных, философских и научных текстов, и потому я считаю его формой редукционизма. Интерналистским я называю подход истории идей, или истории философии, пренебрегающий историко-социальным контекстом, в котором были произведены продукты интеллектуального труда. Оба, несомненно, имеют право на жизнь, но я выступаю за развитие так называемой интеллектуальной истории – не являющейся ни историей философии, ни социологией интеллектуалов в строгом смысле, но неким гибридом, существующим между двумя этими полюсами. Например, работая над биографией Поля Рикера, я не ограничиваюсь исследованием его публичных высказываний против войны в Алжире или в поддержку мигрантов, не имеющих вида на жительство, но анализирую совокупность его философских текстов и связь его тео-

¹⁴ *Dosse F.* La marche des idées. Histoire des intellectuels, histoire intellectuelle. P., 2003.

ретической работы с публичным пространством и политическими вызовами его времени. В этом, на мой взгляд, принципиальная разница между историей интеллектуалов и интеллектуальной историей.

К.П.: Сегодня многие продолжают работать в русле истории интеллектуалов, но, за исключением биографий, в этой области во Франции наблюдается спад по сравнению с тем, что делалось двадцать лет назад. В историографии существует своя мода, и сегодня интерес вызывает колониальная, глобальная и сравнительная история. И хотя в газетах и на прилавках книжных магазинов регулярно появляются тексты об интеллектуалах, профанируя в какой-то степени эту тему, мне кажется, здесь еще есть что исследовать ученому. Историки слишком много внимания уделяли проблеме политической ангажированности и фигурам левой интеллигенции, находящейся в оппозиции к власти. Но гораздо более интригующим мне представляется вопрос о том, как интеллектуалы сотрудничают с властью и находятся у власти в качестве профессиональных политиков. Ведь Французская Республика, сформировавшаяся в конце XIX столетия, была создана во многом усилиями профессоров, таких как Фердинан Бюиссон и Альбер Тома, принявших на себя роль государственных служащих. Во Франции всегда с наибольшим интересом изучают «великих оппозиционеров» вроде Золя, Сартра, Фуко или Бурдьё, и потому история интеллектуалов, менее критически настроенных к власти, остается малоизученной.

Принимая во внимание смену парадигмы в подходах к фигуре интеллектуала, как вы можете охарактеризовать его сегодня? Если «героический» тип ушел в прошлое вместе с глобальными идеологиями, то кто, на ваш взгляд, занял его место?

К.П.: В известной работе «Интеллектуальная власть во Франции»¹⁵ Режи Дебре выделяет три этапа истории интеллектуалов и соответствующие им типы: интеллектуал «Республики профессоров» конца XIX в., после Первой мировой войны повелителем дум становится писатель, и, наконец, с 1970-х гг. наступает эра медийного интеллектуала (*intellectuel médiatique*). Последний этап вносит принципиальное изменение: мы, университетская интеллигенция, остаемся людьми книги, а не интернета, и прекрасно отдаем себе отчет в том, что вскоре будем в абсолютном мень-

¹⁵ Debray R. Le pouvoir intellectuel en France. P., 1979.

шинстве. Сегодня много говорят о «закате интеллектуала», но по-настоящему важна не сама эта фигура, а то, какие формы приобретает интеллектуальная жизнь в новых условиях, когда благодаря новым медиа производство идей функционирует иначе, чем еще два десятилетия назад. Республиканская модель, породившая интеллектуала в конце XIX в., по существу была и остается вертикальной и иерархизированной, в ее матрице культурная жизнь мыслится диффузионистски: культуру производят «сверху», а затем она спускается в массы. Эта вертикаль и сформировала фигуру интеллектуала-мэтра, обладающего символическим капиталом и правом на авторитетное суждение. А он, в свою очередь, стал жертвой процесса социальной демократизации, затронувшего страны Запада, в ходе которого общество все менее и менее поддерживает традиционные формы вертикальной власти. Отсюда и кризис интеллектуала как продукта этой иерархической системы, которая сейчас пересматривается. На мой взгляд, ситуация интеллектуального «сиротства» является гарантией свободы: не иметь над собой фигуры мэтра, отца это и есть освобождение. Конечно, многим этой фигуры не хватает, и они безуспешно ищут ее, но не находят, отсюда и вся ностальгия по интеллектуалам прошлого. На возгласы вроде «у нас нет новых Фуко и Бурдьё» стоит ответить, что сегодняшнее общество больше не может производить фигуры этого типа. XIX и XX столетия породили два социальных феномена – рабочего и интеллектуала, и не случайно оба сегодня неуклонно исчезают.

Ф.Д.: Мне кажется наиболее убедительным определение интеллектуала, данное Мишелем Фуко: интеллектуал не претендует на выражение абсолютной истины (что было свойственно дрейфусарам и интеллектуалам вроде Сартра), но применяет свои профессиональные знания в конкретных областях. Для самого философа таким слиянием теории и практики стала Группа информации по тюрьмам (ГИТ)¹⁶. Эта модель близка к той, которую я активно защищаю – демократического интеллектуала. Чтобы вывести это определение на теоретический уровень, я обращаюсь к фигуре Поля Рикера. Какова его модель самопозиционирования? Используя свой опыт и сферу знания, наблюдать за процессами социаль-

¹⁶ Группа информации по тюрьмам – созданное в 1971 г. движение интеллектуалов ставящее своей целью распространение информации о происходящем в тюрьмах через средства массовой информации.

ной реальности, научным миром и практическим опытом, фиксировать и разъяснять их смысл. На рубеже 1980–90-х гг. во Франции имели место серьезные дискуссии о соотношении истории и памяти, и что сделал Рикер? Он проанализировал общественные запросы, историческую практику, задался вопросом, как воспринимаются память и история, каково их практическое приложение (главным образом мемориальные законы¹⁷). И он описал этот опыт через феноменологию памяти и рефлексии об онтологии нашей исторической ситуации в работе «Память, история, забвение»¹⁸. В этом мне видится роль интеллектуала. Эта позиция хорошо иллюстрируется политикой журнала *Le Débat*¹⁹, созданного П. Нора и М. Гоше: необходимо отказаться от претензии на универсальное знание, элитарности мысли, набора готовых идей, а вместо этого ставить вопросы и организовывать дискуссии. Опять же рассуждая в терминах Рикера, задача интеллектуала заключается в том, чтобы ввести в коммуникационное пространство конфликт интерпретаций, существующий в публичном дискурсе.

Список литературы

- Ле Гофф Ж.* Интеллектуалы в Средние века. СПб., 2003. [Le Goff J. *Intellektualy v Srednie veka*. SPb., 2003].
- Хобсбаум Э.* Разломанное время. Культура и общество в двадцатом веке. М., 2017. С. 241–242. [Hobsbaum Eh. *Razlomannoe vremya. Kul'tura i obschestvo v dvadtsatom veke*. M., 2017. S. 241–242].
- Aron R.* L'Opium des intellectuels. P.: Calmann-Lévy, 1955.
- Bourdieu P.* Sartre // London Review of Books. 1980. Vol. 2. 20 nov. P. 11–12.
- Debray R.* Le pouvoir intellectuel en France. P.: Éditions Ramsay, 1979.
- Dictionnaire des intellectuels français: Les personnes. Les lieux. Les moments / Sous la dir. de J. Julliard, M. Winock. P.: Éditions du Seuil, 2009.

¹⁷ Речь идет о четырех законах, принятых во Франции с 1990 по 2005 г.: закон Гэссо, предусматривающий уголовное наказание за отрицание холокоста; закон 2001 г., признающий геноцид армян в 1915 г.; закон Тобира, объявивший работоторговлю преступлением против человечности; закон 2005 г. о французском присутствии в бывших колониях. Последний содержал формулировку о необходимости признания «позитивных аспектов» колониализма, чем вызвал резкую критику со стороны исторического сообщества.

¹⁸ Ricœur P. *La Mémoire, l'histoire, l'oubli*. P., 2000.

¹⁹ *Le Débat* – аналитический и дискуссионный журнал, «открытый для размышлений, позволяющих понять эволюцию современного мира». Издается во Франции с 1980 г.

-
- Dosse F.* La marche des idées. Histoire des intellectuels, histoire intellectuelle. P.: La Découverte, «Armillaire», 2003.
- Faire de l'histoire / Sous la dir. de J. Le Goff, P. Nora. P.: Gallimard, 1974.
- Lévy B.-H.* Éloge des intellectuels. P.: Grasset, 1987.
- Nora P.* Adieu aux intellectuels? // Le Débat. 2000. N 110. P. 4-14.
- Nora P.* L'événement monstre // Communications. 1972. Vol. 18. N 1. P. 162-172.
- Nora P.* Que peuvent les intellectuels? // Le Débat. 1980. N 1. P. 3-19.
- Ory P., Sirinelli J.-F.* Les Intellectuels en France, de l'Affaire Dreyfus à nos jours. P.: Armand Colin, 1986.
- Ricœur P.* La Mémoire, l'histoire, l'oubli. P.: Éditions du Seuil, 2000.
- Sand S.* La Fin des intellectuels français. De Zola à Houellebecq. P.: La Découverte, 2016.
-

Daria A. Petushkova

**THE END OF THE FRENCH INTELLECTUALS?
INTERVIEW WITH CHRISTOPHE PROCHASSON AND
FRANÇOIS DOSSE**

The author offers the readers an interview with two French intellectual historians Christophe Prochasson and François Dosse with regard to the transformation of the figure of French intellectual and his role in modern democratic society. The social and political reasons of his passage from subject to the object of historical research alongside the methodological trends regarding the history of intellectuals are also taken into consideration. Ch. Prochasson explains why dissolution of so called «total» intellectual is a product of democratization of the intellectual field and means a guarantee of freedom. In P. Ricoeur's terms F. Dosse underlines a critical function of the intellectual and his social responsibility.

Keywords: intellectuals, France, intellectual history, historiography, methodology